

Н. Н. СКАТОВ,

*член-корреспондент РАН, директор Института
русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
доктор филологических наук, профессор*

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В недавний период жесточайшего идеологического противостояния двух миров нашему тогдашнему противнику Алану Даллесу, шефу американской разведки, приписали слова: «Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь и ресурсы на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности фальшивыми и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Мы найдем своих единомышленников, помощников и союзников в самой России — эпизод за эпизодом будет разыгрываться трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и необратимого угасания его самосознания». Жизнь оказалась страшнее и драматичнее: выяснилось, что сеющие хаос, бурю в пустыне, вынуждены пожинать урожай. А какой в пустыне урожай? К тому же хаос оказался совсем не способным ограничиваться, локализоваться и управляться, на то он и хаос. А готовность умерщвлять одно из национальных самосознаний довольно быстро приобрела характер трагедии и стала всеобщей даже не эпидемии, а пандемии, стремительно охватывающей все страны и континенты, если иметь в виду почти моментальную скорость распространения источников болезни в виде современных СМИ.

Тем не менее нельзя не признать глубину многих утверждений Даллеса. Первое — трезвая оценка нашего народа как самого непокорного на всей земле. Вопреки, кстати сказать, многим горьким, а часто и злорадным демократическим воплям как ушедшего — вроде формулы Н. Г. Чернышевского «Нация рабов», так и современного литературного человека: «Русский народ — фикция. Его не существует», пишет Ю. Нагибин. Второе — замечание о том, на чем основана эта непокорность — о национальном самосознании, которое должно быть изменено, трансформировано и в итоге уничтожено. Нельзя не признать справедливость слов, что уничтожение такого самосознания есть не что иное, как трагедия, грандиозная по масштабу. И наконец, трагедия явлена не как разовая, обрушительная, вследствие чего пробуждающая, вынуждающая действовать, а как приручающая, усыпляющая, происходящая медленно,

«эпизод за эпизодом». Менее всего следовало бы идеализировать наш национально-общественный менталитет в том духе, что русские терпеливы, трудолюбивы, христоролюбивы, прославляют соборность и т. д., и т. п. «Народ наш, — писал Ф. М. Достоевский, — с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и перед целым миром готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать себя во имя негодующей любви к правде и истине».

В наше время почти ушло или значительно ослабело представление об изначальной сакральной природе слова, как об этом сказано в Евангелии: «И слово было у Бога, и слово было Бог». Недаром в большей или меньшей степени высокий, священный смысл слова закреплялся в нашей истории и в жизни духа («Слово о законе и благодати»), и в молении о милости («Слово Даниила Заточника»), и в ратоборстве («Слово о полку Игореве»). К тому же именно в слове объединились язык и литература. Однако сама литература ныне переживает кризис — возможно, как отражение общего кризисного состояния общества.

Можно говорить об ослаблении такого неизменного свойства русской литературы, как реалистическая традиция. Нет, такая традиция и сегодня не бесплодна, но она не становится общим достоянием в той мере, в какой может и должна стать. Вспомним, например, не столь уж давнюю повесть В. Распутина «В ту же землю» — рассказ, потрясающий силой и остросовременным, почти символическим реализмом. Недаром писатель когда-то говорил в связи с «Матерой» о влиянии на него Г. Г. Маркеса, подтверждая тем самым свое творчество как явление мирового, а не просто национального характера и масштаба. И что же? Об этой повести рассказали по радио, сняли кино, экранизировали на телевидении, просто оповестили через прессу? Ничего. Зато для всего, к чему можно прикрепить ярлык постмодернизма, ворота настежь. И не будем лукавить — это отнюдь не отзыв на потребности и пожелания публики, но наглый диктат и беспардонное навязывание. Вообще, резко обозначившиеся сейчас кризисы и постмодернизма, и модернизма тоже отменили их роль декорационной подмалевки,

до поры до времени создававшей иллюзию прогресса и прикрывавшей общий культурный кризис. Кстати, кризис общественной жизни, отразившийся в культуре вообще и в литературе в частности, нашел еще одно выражение в невиданных до того масштабах. При этом именно высокая мода элитного постмодерна сошлась с поэтикой самого низа и буквально захлестнула непечатным словом печатные страницы, телевизионные экраны и театральные подмостки, приобретя характер словесного СПИДа. Без уяснения того, что сейчас представляет собой массовая культура, и не только молодежная, не понять ни характера общекультурных процессов, ни роли в них литературы. Опубликованная в одном из популярных изданий статья называется «Алла Пугачева — наше все» по аналогии со стократ повторенной и уже ставшей хрестоматийной формулой «Пушкин — наше все». Конечно, если наше все — Алла Пугачева, то Пушкин — наше ничего. Все это — знак беды. Думаю, что и сама Пугачева, как человек в своем деле талантливый и умный, должна вместе со всеми прийти в ужас. Наглядно видишь, как шоу-бизнес стремится опутать, поглотить и опустить молодого одаренного Николая Баскова. Вот он уже поет в эстрадной паре (не называть же это дуэтом) с бесталанной безголосой певицей для потехи, для контраста. Впрочем, контраст этот может скоро сгладиться — читал ли Басков повесть Гоголя «Портрет»? Кстати, язык, как всегда, выдает суть дела даже звучанием: поп-музыкант, поп-певица. Речь совсем не о том, чтобы выключить популярную музыку, стремительно катящуюся вниз, и предаться Моцарту. Кафешантан талантливый и бесталаный был и, наверное, будет всегда. Дело в том, что кафешантан начинает воплощать культуру вообще, а кафешантанные певички и развязные конферансье — представлять за искусство в целом, к тому же они заседают в комиссиях, советах и комитетах, что-то определяя и направляя. Англичане опытным путем установили, что подобная музыка гораздо вреднее даже грохота отбойных молотков, а регулярное ее прослушивание способно со временем превращать людей в идиотов. Массовая, не народная, а подчас и антинародная культура — неизменная составляющая любого общества, но она еще никогда не была столь агрессивной, повторю — никогда еще в такой степени не претендовала на общекультурное представительство, заняв почти все телепространство.

После президентского доклада «Нация в опасности» в Америке была принята госу-

дарственная программа, ставящая целью срочно превратить страну в нацию читателей; в этом направлении движется и Европа. Нам тоже необходим срочный мобилизационный план и рывок, ибо нация в опасности, в том числе и из-за утраты государственной стратегии. Речь идет о разрушении мощной книготорговой индустрии, о материальной ущемленности ее основного потребителя — так называемой трудовой интеллигенции, трудового люда вообще, и о решающей роли телевидения. Значимость современного телевидения сравнима с прежней ролью печатного станка. Можно ли представить себе, чтобы все типографии печатали только пивные этикетки, непристойные открытки, в лучшем случае — комиксы, и не печатали книг? Ушли в прошлое просветительские программы, а ведь было время, когда публичные уроки лучших учителей собирали телеаудитории, которые и не снились нынешнему крайне ограниченному контингенту попсового созвездия.

Почему же сейчас так важна роль русской литературной классики? Дело не только в повышении образовательного уровня, но и в простом расширении кругозора и нормальной эстетической удовлетворенности, которую дает литература как самый универсальный способ духовного производства. Сейчас нам, потерявшим себя, наверное, прежде всего важно обрести человеческий образ. Когда-то великий Гёте написал обращенную к немцам, возжелавшим тогда стать нацией, ироничную эпиграмму с призывом сначала стать просто людьми. Так и нам в поисках национальной идеи надо сначала обрести образ и подобие Божие. «Для чего живем?» — спрашивал Гоголь. И отвечал: «Для высокого». Вот о чем сегодня должна напомнить нам литературная классика, когда столько культурных сил оказалось призвано к прямо противоположному — к превращению страны даже не в колонию, а в загон, а человека даже не в раба — в скотину.

Мы живем уже в условиях нового губительного тоталитаризма. По утверждению прекрасного режиссера В. Абдрашитова, самые мрачные прогнозы Дж. Оруэлла и Е. Замятина могут показаться детским лепетом; никакой тоталитаризм — сталинский, гитлеровский или полпотровский — не сравнится с тоталитаризмом, который ныне поселяют в умы и души. Современному бизнесу не нужны самобытные люди с разными интересами. Зачем уничтожать людей физически, они могут быть мускульной силой и пушечным мясом, а главное — идеальным потребителем.

Нужно только соответствующим образом навести порядок в головах и душах. Можно не сомневаться в провале любой позитивной демографической политики на фоне рекламного, печатного, школьного обучения тому, как не допустить рождения детей или как от них избавиться. Желание и даже возможность «прижать» тот или иной канал ничего не изменит — все они, за исключением отдельных передач, одним миром мазаны, но, конечно, где-то побольше пива, где-то — крови. А то, что культуру загнали в резервацию одного, не самого мощного канала, видимо, поняли как разрешение на бескультурие остальных. Можно не сомневаться, что тотальное телеразрушение общества неизбежно продолжится, пока ему не будет противопоставлено мощное, стальное телеутверждение. Очевидно, такое пока можно осуществить на общественном и государственном телевидении, зависимом от общества и не зависимом от денег, телевидении не политических услугений, которых, наверное, не избежать, а решающем стратегические задачи государственного обустройства и спасения нации. Самый трезвый прагматик должен наконец понять значение совсем не прагматичных факторов и явлений в человеческой жизни. Рейтинги, особенно если они хоть мало-мальски правдивы, учитывать, конечно, нужно, но подчиняться им нельзя. И если, например, из 90-процентного рейтинга каких-нибудь тусовочных взаимоувенчаний можно

будет оттянуть 5 % к народному хору, изгнанному абсолютно, к народному или симфоническому оркестру, к литературной, театральной или музыкальной классике — это следует уже считать победой. Может статься, что именно 5 % станут решающими на абсолютных весах истории.

Каждое поколение, естественно, воспринимает свое время в его безусловности и конечности как первое и последнее, но мне кажется, для нас, во всяком случае, для нашей духовной жизни, счет и впрямь пошел на абсолютные меры: быть или не быть. Замечательный петербургский музыкант Юрий Хатуевич Темирканов, изнутри знающий культурную жизнь здесь и за рубежом, сказал, что мы превратились в культурную помойку Запада, стали свалкой его культурных отходов. Иван Александрович Гончаров писал, что все народы должны прийти к общему идеалу человеческого, конечного знания через национальность, то есть каждый народ должен положить в его основу свои умственные и нравственные силы. Во всемирную человеческую колонну мы можем влиться только одним путем — не растворяясь в ней, а сохраняя свою самость. Или мы так, пусть трудно, но достойно, войдем в эту колонну, или она пройдет по нам, втоптывая нас в грязь, и трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания будет завершена.